

Телеология неоламаркистовъ.

III. Телеология, причинность и цѣлестремительность.

Въ предыдущей статьѣ ¹⁾ мы изложили ученіе неоламаркистовъ о цѣлесообразности, ихъ теорію телеологическихъ актовъ: она начинается, какъ мы видѣли, съ анализа отношеній телеологіи къ причинности: этотъ пунктъ, въ виду его особаго философскаго интереса, мы и поставимъ здѣсь въ первую очередь на обсужденіе.

Конечно, съ самаго начала необходимо остановиться на анализѣ понятія *цѣли*, *цѣлесообразнаго*, составляющаго центръ всякаго телеологическаго ученія. Здѣсь мы вступаемъ въ область, гдѣ всего плодотворнѣе и закономѣрнѣе ощущается необходимость связи чисто эмпирическихъ данныхъ науки съ теоретико-познавательными и логическими построеніями: здѣсь естествоиспытатель *необходимо* долженъ обратиться къ философскому анализу, чтобы оправдать и уяснить себѣ приложимость принципа цѣли въ природѣ: точно такъ же и философъ пользуется данными опыта въ качествѣ поля примѣненія телеологическаго принципа. Уравла, естествоиспытатели стараго закала, какъ мы уже говорили ранѣе, стремятся вообще избѣгнуть допущенія принципа цѣли въ свои механико-каузальные построенія; они въ такихъ случаяхъ нисколько не прибѣгаютъ къ философскому анализу понятій и теорій, а догматически, исходя изъ своей вѣры въ механичность міра, устраняютъ понятіе цѣли изъ области своего разсмотрѣнія. И въ то же время, помимо воли и сознанія, они повсюду и постоянно пользуются этимъ запретнымъ принципомъ, безъ чего была бы непонятна роль орга-

¹⁾ См. „Б. В.“, мартъ.

новъ, ихъ функціи и т. д., и сами ихъ „механическіе“ законы развитія покоются также на телеологическихъ основаніяхъ, не исключая и самой борьбы за существованіе и естественнаго отбора. Это и есть та „безсознательная телеологія“ (*Вундта*), которая борется съ понятіемъ цѣли, и въ то же время постоянно имъ пользуется.

Въ самомъ понятіи „цѣлесообразнаго“ мы необходимо должны различать два момента: активный и пассивный, т. е. различать понятія „*приспособляться*“ и „*быть приспособленнымъ*“ ¹⁾. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ на лицо *устремленіе* (*Erstreben*) къ нѣкоторой цѣли, „имѣніе цѣли“, нѣкоторый динамическій элементъ; во второмъ мы лишь констатируемъ наличность цѣлесообразнаго, безотносительно ко всякому устремленію; нетрудно видѣть, что вопросъ о происхожденіи цѣлесообразнаго тѣсно связанъ именно съ *активнымъ* моментомъ въ понятіи его; есть ли цѣлесообразное продуктъ устремленія къ цѣли, или же оно возникло въ силу другихъ, не связанныхъ съ понятіемъ цѣли причинъ,— вотъ основной вопросъ. Второй вопросъ таковъ: если цѣлесообразное есть продуктъ устремленія къ цѣли, то кто ставитъ эти цѣли? Ставитъ ли ихъ самъ стремящійся къ цѣлесообразности индивидуумъ, или же нѣкій высшій Разумъ? Сообразно съ этимъ необходимо установить точную терминологию.

Починъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ знаменитымъ эмбриологомъ К. фонъ-Бэромъ еще въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія; онъ вмѣсто *Zweck*, *zweckmässig* (—*keit*) вводитъ термины *Ziel*, *zielstrebig* (—*keit*) потому, что эти послѣдніе термины менѣе напоминаютъ предвзятое намѣреніе ²⁾. Нѣкоторые переводчики даже такъ и переводятъ—*Zweck*—„намѣреніе“, а *Ziel*—„цѣль“, чтобы подчеркнуть эту разницу; во всякомъ случаѣ, терминъ *Zielstrebigkeit*—„цѣлестремительность“—уже вошелъ въ всеобщее пользованіе. Самъ *Бэръ* такъ мотивируетъ необходимость такой терминологіи: *Ziel*—понятіе болѣе неопредѣленное, благодаря чему оно заключаетъ въ себѣ и понятіе *Zweck*; однако, оно не предполагаетъ, какъ

¹⁾ *Lotsy*. Vorlesungen .. Bd. I, стр. 54. *Iensen*, Organische Zweckmässigkeit. 1907, стр. 22.

²⁾ *K. von-Baer*. Auswal aus seinen Schriften, von prof. Stölzle. стр. 20.

это послѣднее (Zweck) сознанія. *Das Ziel* есть конецъ движенія и совершенно не заключаетъ необходимости или принужденія. „Zweck, по нашему нѣмецкому словоупотребленію, есть сознательно избранная Ziel, почему Zweck и не должна разыскиваться въ природѣ“¹⁾. Въ русскомъ языкѣ трудно передать эту разницу между Ziel и Zweck; мы имѣемъ лишь одно слово для обоихъ случаевъ; перевести Zweck—„намѣреніе“—можно лишь съ большой натяжкой, но и то нельзя образовать точнаго термина, соответствующаго слову „zweckmässig“: все равно, приходится переводить его „цѣлесообразный“.

Какъ бы то ни было, изъ этого анализа понятій и терминовъ мы видимъ, что „цѣлестремительность“ означаетъ, во-первыхъ—непредназначенность цѣли, во-вторыхъ—наличность активнаго элемента, „стремительности“. Можно, конечно, спорить относительно пригодности этого термина; напр. *Кенигъ* думаетъ, что онъ отнюдь не устраняетъ необходимости предположенія цѣлестановленія (Zwecksetzung), а лишь сглаживаетъ, затупевываетъ ее; Бэру не удастся устранить подразумеваемую ставящую цѣли разумность или реализующую цѣли волю²⁾. *Эйслеръ* же думаетъ, что „цѣлестремительность“ вполне мыслима и не заключаетъ въ себѣ ничего мистическаго; ее надо понимать въ смыслѣ тенденціи существа къ измѣненію неприспособленнаго, непріятнаго и возстановленія подходящаго, пріятнаго или, по крайней мѣрѣ, выносиваго состоянія“³⁾.

Далѣе, необходимо отмѣтить, что весьма строго нужно различать цѣлесообразность телеологическаго акта и „цѣлесообразность цѣли“, если можно такъ выразиться; всякій актъ цѣлесообразенъ, если онъ достигаетъ какой-нибудь намѣченной конечной цѣли, но какова эта самая цѣль—вопросъ другой: цѣль можетъ быть нецѣльной, вредной и т. д. Тутъ возможна большая путаница понятій, и чтобы предупредить ее, необходимо указать, что обиходное, такъ сказать, употребленіе понятія „цѣлесообразности“ обычно подмѣняетъ его поняті-

1) *K. von-Baer. ibid.*, стр. 21.

2) *König. Über Naturzwecke. „Philosophische Studien“*, Bd. 19, 1902; 437 примѣч.

3) *Eisler. Kritische Einführung in der Philosophie*. 1905 г. стр. 241.

емъ „полезности“, т.-е. различныя дѣйствія и образования разсматриваются съ точки зрѣнія ихъ пригодности для поддержанія жизни и благосостоянія индивидуума или рода. Однако, мы усиленно подчеркивали ранѣе, что таковая *утилитарная* точка зрѣнія и основанная на ней телеологія слишкомъ узки, неглубоки и не захватываютъ многихъ явленій природы, не могущихъ быть оцѣненными съ точки зрѣнія полезности; другими словами, цѣль процесса можетъ и не быть обязательно чѣмъ нибудь полезнымъ, „цѣлесообразнымъ“ съ обычной точки зрѣнія; *польза далеко не всегда есть цѣль телеологическихъ актовъ*. Поэтому-то мы ранѣе и указывали всегда, что большое количество явленій природы ускользаютъ изъ сферы вопросовъ, объяснимыхъ дарвинизмомъ и ламаркизмомъ лишь потому, что эти оба ученія слишкомъ прочно стоятъ на утилитарной точки зрѣнія, т.-е. убѣждены, что цѣль измѣненій, приспособленій и т. д.—*полезность*: въ дѣйствительности же цѣли телеологическихъ процессовъ природы сами по себѣ весьма гадательны, и заниматься ихъ оцѣнкой—не входитъ въ наши задачи; къ тому же это сопряжено съ опасностью вернуться къ старой телеологіи цѣлей природы и предугадываемыхъ намѣреній въ ней: мы будемъ обсуждать лишь телеологичность самихъ процессовъ, т.-е. наличность *целестремленія* къ нѣкоторымъ цѣлямъ; каковы же эти цѣли сами по себѣ—мы обсуждать и оцѣнивать пока не будемъ.

Многими учеными и со всѣхъ сторонъ уже выяснено, что понятіе цѣли первоначально абстрагировано изъ отношеній человеческой волевой дѣятельности, въ которой принципъ цѣли имѣетъ особенно значительную сферу примѣненія.

„Разъ установлено, что понятіе цѣли извлекается изъ волевой дѣятельности, то и наоборотъ—последняя заключаетъ въ себѣ понятіе цѣли какъ свой существенный элементъ. Понятіе цѣли необходимо предполагаетъ присутствие разумности (Intelligenz) и воли (Wollens), во первыхъ: потому что цѣль есть нѣчто представляемое и только въ представленіи состоящее; во вторыхъ—потому что указываетъ на настоящій или будущій волевой актъ. Мы увидимъ далѣе, что если мыслима разумность безъ воли, то слѣпая, не направленная къ опредѣленной цѣли воля не существуетъ и не можетъ существовать, и какой-либо тѣлесный актъ мо-

жетъ быть названъ волевымъ актомъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ соотвѣтствуетъ какому-либо представленію“ 1).

Въ виду такой связи понятія цѣли съ психикой дѣйствующей личности многіе, особенно противники признанія безсознательной психики, настаиваютъ на необходимости всегда связывать понятіе цѣли съ наличностью *сознательной*, пользующейся предыдущимъ опытомъ разумности: „цѣлесообразное дѣйствіе или цѣлесообразный процессъ, съ одной стороны, и сознание съ другой—такія явленія, которыхъ нельзя раздѣлять произвольно“ 2). Поэтому цѣлесообразныя дѣйствія мы можемъ предполагать лишь тамъ, гдѣ имѣется развитая нервная система: допускать цѣлѣдѣйствующіе факторы при отсутствіи нервной системы значить, по мнѣнію многихъ, впадать въ полный произволъ, которому не будетъ никакого предѣла 3).

Такимъ образомъ, понятіе цѣли спеціально применимо въ субъективной сферѣ и тѣсно связано съ основными проявленіями психики; возникаетъ новый вопросъ: какова же природа этого принципа, не субъективенъ ли онъ самъ по себѣ? Неоламаркисты и неовиталисты оспариваютъ это, телеологи же кантіанцы, начиная съ самого Ганта, утверждаютъ не менѣе рѣшительно субъективность принципа цѣли. Рѣшенію этого центрального вопроса мы придаемъ большое значеніе; тутъ долженъ выясниться также и вопросъ объ отношеніи телеологій къ причинности.

Неоламаркисты, какъ мы это показали въ предыдущей статьѣ, исходятъ изъ положенія, что причинность имѣетъ необходимое всеобщее значеніе, но ею одной не исчерпываются наличныя въ природѣ связи явленій и вещей; причинность всеобща, но не единственна: кромѣ нея есть еще, напр., связь телеологическая, которая отличается отъ причинной тѣмъ, что вмѣсто двухъ членовъ, причины и слѣдствія, она характеризуется *тремя* членами, между которыми имѣется на лицо телеологическое соотношеніе. Именно, за *a* наступаетъ *b* такъ, что становится возможнымъ *c*; *a* и *b* перемѣнны, *c*—постоянно.

1) König, *Über Naturzwecke*. „Philos. Studien“, Bd. 19, стр. 421—4.

2) Бюлли, „Mechanismus und Vitalismus“, русск. пер. въ сборникъ „Сущность жизни“, 1903 г. стр. 201.

3) *Ibid*, стр. 200; *Tensen*, *op. cit*, стр. 127—8.

Эти воззрѣнія, формулированныя *Коссианномъ*, какъ намъ кажется, не укрѣпили позиціи неоламаркистовъ, и едва ли способны хоть сколько-нибудь рѣшить вопросъ о взаимоотношеніи телеологіи и причинности: въ нихъ много наивнаго и даже прямо недѣльнаго. Противъ начальнаго утвержденія всеобщности, но не единственности причинной связи, едва ли возможно спорить: законъ причинности заключается лишь въ формальномъ требованіи, чтобы разсматривать каждое явленіе не обособленнымъ, не абсолютно автономнымъ, но находящимся въ связи хоть съ однимъ изъ остальныхъ: ничто не возникаетъ само по себѣ, и всякое явленіе должно имѣть свою *причину*. Однако, требованія закона причинности отнюдь не простираются ни на выясненіе, какова эта причина, ни на характеръ самой связи: за однимъ явленіемъ необходимо слѣдуетъ другое, но какъ, это не важно. Поэтому законъ причинности прямо не касается реальныхъ связей и взаимоотношеній въ мірѣ явленій, ихъ можетъ быть безчисленное множество, но всѣ онѣ должны удовлетворять одному требованію: у каждаго послѣдующаго явленія должно быть свое предыдущее, съ которымъ оно находится въ тѣ-которой закономѣрной связи.

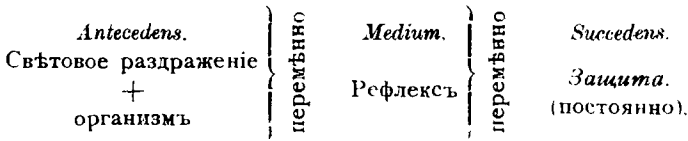
Телеологическая связь явленій, по нашему глубокому убѣжденію, есть, въ сущности, та же причинная, но лишь взятая въ другой плоскости, подъ другимъ угломъ зрѣнія: причинная—чисто логическое требованіе голыи послѣдовательности; телеологическая—уже вноситъ принципъ *оцѣнки*, она хочетъ выяснить *смысль*, значеніе процесса: она интересуется не столько самой послѣдовательностью, сколько конечнымъ результатомъ, къ которому приводитъ цѣль несомнѣнно причинныхъ взаимоотношеній. Поэтому, какъ намъ кажется, нельзя считать причинность и телеологію явленія-ми одного порядка, и признавать лишь одно изъ нихъ, или замѣнять его другимъ; причинность нельзя поставить на мѣсто телеологіи, какъ нельзя выразить вѣсь въ единицахъ длины. *Коссианнъ* же явно считаетъ эти обѣ закономѣрности хотя и противоположными, но сравнимыми, способными замѣнять одна другую: тамъ, гдѣ дѣйствуетъ его трехчленная формула, обычной двухчленной причинной уже нѣтъ мѣста. Мы уже упоминали о толкованіи *Вагнера*, пытающагося понимать подъ причинностью у *Коссианна* лишь механиче-

скую причинность; но это толкованіе совершенно произвольно, такъ какъ *Коссманны* вездѣ говоритъ прямо о причинности вообще. По его мнѣнію, хотя матерія и энергетическіе элементы организма и таковы же, какъ и въ неодушевленной природѣ, однако они обнаруживаютъ въ организмѣ особую, телеологическую закономерность, отличающуюся отъ причинной; обѣ закономерности являются выраженіями единой общей необходимости природы. *Коссманны* вообще утверждаетъ наличность телеологическихъ связей лишь въ организованной природѣ. Значитъ, по его мнѣнію, причинность и телеологія не существуютъ одновременно, а замѣняютъ одна другую: въ неорганическомъ мірѣ—простая причинность; въ органическомъ—телеологія. Мы же убѣждены, что и причинная, и телеологическая связь существуютъ одновременно, приложимы къ однимъ и тѣмъ же процессамъ и нисколько не вторгаются въ области другъ друга, хотя бы просто потому, что эти ихъ области лежатъ въ различныхъ плоскостяхъ и столкновеніе между ними невозможно.

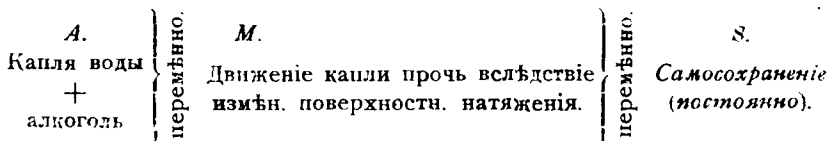
Обратимся къ формулѣ *Коссманны*; по нашему мнѣнію, она не выдерживаетъ никакой критики. Прежде всего, выраженіе $M=f(S)$, гдѣ M измѣнчиво, а S постоянно, есть математическая нелѣпость, и переменная функція M отъ постоянного S противорѣчитъ самому понятію функціи. Но, кромѣ функціональныхъ отношеній, здѣсь замѣщаются неизбѣжно и *временныя*; именно, сперва мы имѣемъ *antecedens* потомъ *medium*, потомъ *succedens*; средній членъ оказывается въ функціональной зависимости отъ переменнаго A , предшествующаго M , и отъ постоянного S , послѣдующаго по отношенію къ M , каковая сложная закономерность, да еще съ временной послѣдовательностью, математически также бессмысленна ¹⁾. Необходимо обратить вниманіе на третій членъ формулы *Коссманны*, его знаменитый постоянный S ; всякому очевидно, что это вовсе не что-либо реальное, а просто лишь абстрактное понятіе отношенія, принадлежащее рефлексіи, а не дѣйствительности.

¹⁾ *Iensen*. Die organische Zweckmässigkeit., стр. 152.

Припомнимъ схему телеологической связи по *Косманну*:

Ясно, что защита есть лишь наше сужденіе о значеніи или цѣли суженія зрачка для организма. Этотъ третій членъ, конечно, постояненъ, какъ *понятіе*. въ то время какъ суженіе зрачка (*medium*) мѣняется сообразно съ свѣтовымъ раздраженіемъ (*antecedens*). Но спрашивается, какъ *medium*, нѣкоторый реальный процессъ, актъ, можетъ зависѣть отъ *succedens*, который не болѣе, какъ отвлеченное понятіе? ¹⁾ Въ реальную причинную связь вдругъ вторгается понятіе, претендующее при этомъ на роль причины, такъ какъ, по мысли Косманна, рефлексъ зависитъ и отъ свѣтового раздраженія, и отъ своей цѣли, т.-е. защиты. Какимъ же образомъ возможно здѣсь установить реальную связь? Отвѣтъ, конечно, можетъ быть только одинъ: S, какъ постоянное понятіе, можетъ быть причиной M только не какъ его послѣдующее, а какъ *предшествующее ему представленіе цѣли*: тогда придется приписать третьему члену „eine ideelle Präexistenz“, по выраженію Кенига, идеальное предсуществованіе въ видѣ представленія. Только въ этомъ случаѣ третій членъ получаетъ смыслъ *причины*, отъ которой можетъ зависѣть M; въ волевомъ процессѣ M мы назовемъ *средствомъ*. Въ тѣхъ же процессахъ, которые разбираетъ *Косманнъ*, третій членъ его формулы— просто субъективная оцѣнка процесса, которая отнюдь не связана при этомъ необходимо съ одними органическими процессами: формула *Косманна*, вопреки его намѣреніямъ, исполнѣ примѣнима и къ неорганическимъ процессамъ. на-примѣръ:

¹⁾ *Бючли*, op. cit., стр. 206.

или еще:

<i>A.</i> Паровое давленіе + клапанъ	}	<i>M.</i> Открываніе клапана	}	<i>S.</i> Защита, безопасность. ¹⁾ (постоянно).
	переменно.		переменно.	

Коссманы думаютъ своими формулами уловить новую закономерность природы, равноцѣнную съ причинной, но уловилъ лишь давно всеѣмъ извѣстную абстракцію, приложимую къ огромному количеству чисто причинныхъ органическихъ или неорганическихъ процессовъ, безразлично. Никакой специальной телеологической закономерности, которую стоило бы выражать формулами и ставить на мѣсто причинной, нѣтъ: всякая телеологія должна базироваться на обычной причинности, съ привнесениемъ субъективнаго момента *оцѣнки* процесса въ связи съ конечнымъ его результатомъ. Если мы не будемъ обращать вниманіе на конечный результатъ и оцѣнку процесса, то получимъ обычную, объективную причинную связь.

Такимъ образомъ, можно лишь посоветовать неоламаркистамъ не опираться въ своихъ построеніяхъ на „эмпирическую телеологію“ *Коссмана*, и не стремиться замѣнять законъ причинности своимъ телеологическимъ, хотя бы потому, что это просто невыполнимо. Телеологическая связь явленій возможна и имѣется въ дѣйствительности, но она осуществляется неизбѣжно въ формѣ причинной связи, даже механической, и мы должны въ цѣли механически обусловленныхъ событій подмѣнить проявленіе закономерности иного порядка—телеологической; эта иная закономерность и есть истинная основа механизма, *fonс mechanismi*, по выраженію Лейбница. Неоламаркисты, какъ намъ кажется, легко могутъ отбросить все построенія *Коссмана*, не потерявъ ничего и много выигравъ въ цѣльности и основательности своихъ воззрѣній; формулы *Коссмана* не вытекаютъ органически изъ основоположеній неоламаркизма, и попытка связать ихъ другъ съ другомъ нужно признать просто ложнымъ шагомъ на пути къ теоретико-познавательному оправданію телеологій.

¹⁾ *Бюбли*, op. cit., стр. 206; *Iensen*, op. cit., стр. 135.

Дальнѣйшій логическій анализъ взаимоотношенія понятій цѣли и причины приводитъ насъ къ признанію общности происхожденія обоихъ понятій; законъ причинности, помимо своей абсолютной всеобщности, содержитъ въ себѣ еще другое свойство—постоянную возможность *логическаго обращенія* (*Umkehrung*): „цѣлевая связь есть обращенная причинная: *причинный принципъ* есть слѣдованіе отъ причины къ дѣйствіямъ, а *цѣлевой принципъ*, наоборотъ,—отъ слѣдствій къ причинѣ, т.-е. отъ *цѣлей* къ *средствамъ*“¹⁾. „Связь цѣли и средства есть *обращенная* связь причины и слѣдствія, и всякую причинную связь принципиально можно обратить въ телеологическую, и наоборотъ. Однако, такое обращеніе не всегда возможно въ отдѣльныхъ случаяхъ, вслѣдствіе недостаточности нашихъ знаній условій явленія: отсюда видно, что въ естествознаніи есть двѣ формы примѣненія принципа цѣли: 1) *живаивентный* причинному разсмотрѣнію, 2) *провизорный*, долженствующій служить какъ бы замѣщеніемъ окончательно не завершенаго причиннаго разсмотрѣнія. Первая форма заимствована изъ разсмотрѣнія искусственной машины, и примѣнима всего чаще въ механикѣ, а также, напр., при объясненіи сердечныхъ и дыхательныхъ движеній и т. под. Провизорный же принципъ примѣняется почти только въ биологін, что ясно слѣдуетъ изъ сложной природы біологическихъ проблеммъ... Къ такому провизорному цѣле-разсмотрѣнію относится, напр., представленіе о равновѣсіи между ассимиляціей и диссимиляціей, на чемъ покоится сохранность жизненныхъ особенностей клѣтки, приспособленія организмовъ къ ихъ жизненнымъ условіямъ, и т. д. Все эти телеологическія понятія, содержащія, однако, много причинныхъ проблеммъ, которыя частью (напр., въ вопр. о равновѣсіи...) уже съ успѣхомъ разработаны причиннымъ анализомъ. Если это и не во всѣхъ случаяхъ удастся, то это еще отнюдь не даетъ основаній считать телеологическій способъ разсмотрѣнія окончательноымъ и призывать цѣлѣдѣятельныя жизненныя силы; такой способъ, прежде всего, представляетъ собо логическую ошибку противъ сущности цѣлевого принципа, именно, въ виду его обратимости²⁾. Весьма важно то обстоятельство, что общіе по

¹⁾ Wundt. *Grundzüge der physiologischen Psychologie*. Bd. III, 1903, стр. 686.

²⁾ W. Wundt. *Logik*. Dritte Auflage. 1907; Bd. II, стр. 563—5.

происхожденію телеологическій и причинный принципъ, глубоко раздѣляются понятіями *свободы и необходимости*. „Дѣйствіе есть причина внѣшняго результата и, въ то же время, средство, благодаря которому послѣдній достигается. Эта психологическая общность происхожденія обоихъ понятій повліяла и на пониманіе ихъ логическаго отношенія. Если съ предположеніемъ о *субстанціальной причинѣ* связывается постулатъ *необходимости* ея дѣйствій, то въ этомъ въ то же время заключается отрицаніе цѣли; такъ какъ всѣ дѣйствія количественно и качественно опредѣлены въ субстанціи, то выборъ между различными возможными результатами, какъ его производитъ дѣйствующій сообразно цѣлямъ разумокъ, невозможенъ. Если, напротивъ того, субстанціи приписывается *свобода* при произведеніи ея дѣйствій, такъ что дѣйствительныя событія представляются результатами совершившагося выбора, то субстанція сама есть цѣлепричина (*Zweckursache*) и, какъ таковая, она изъята отъ всякаго принудительнаго опредѣленія“ ¹⁾. Нѣкоторые сторонники теории эволюціи полагаютъ, что она должна совершенно замѣнить телеологическое объясненіе причиннымъ. „Однако, это утвержденіе основано на непониманіи истиннаго значенія понятія цѣли. Послѣднее существуетъ вѣдь налицо далеко не только тамъ, гдѣ, подобно тому, какъ это бываетъ при нашихъ произвольныхъ поступкахъ, представленіе о цѣли предшествуетъ ряду событій; но его слѣдуетъ признать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какая либо причинная связь въ силу правильности опредѣленныхъ конечныхъ эффектовъ, и комбинацій, въ которыя вступаютъ другъ съ другомъ эти эффекты, вызываетъ логическое предвосхищеніе дѣйствій, которое должно сдѣлать понятнымъ связь самихъ причинныхъ условій... И витализмъ прежней физиологіи былъ ошибоченъ не потому, что онъ вообще примѣнялъ телеологическое истолкованіе, а потому, что онъ примѣнялъ его въ смыслѣ того ложнаго понятія цѣлепричины, при которомъ, вмѣсто требуемаго здѣсь регрессивнаго причиннаго объясненія, производилось лишь подведеніе подъ общія понятія. Поэтому нынѣшняя физиологія никоимъ образомъ не устранила понятія цѣли и при изслѣдованіи функций *развитаго* организма, но примѣняетъ

¹⁾ *Вундтъ*. Система философіи. р. пер. 1902 г. стр. 191.

его точно въ томъ же смыслѣ, какъ и практическая механика: какъ видъ *причиннаго* истолкованія, при которомъ, въ силу спеціальныхъ условій предмета, за исходный пунктъ принимаются тѣ дѣйствія, которыя производятъ органы и ихъ элементы порознь и совмѣстно“¹⁾. Характерно, что никто такъ не извѣдалъ нужды въ обращеніи причиннаго объясненія въ цѣлевое, какъ именно *механическое* направленіе въ биологін, стремившееся разсматривать организмъ какъ „природную машину“²⁾. Противъ этого положенія объ обратимости причиннаго процесса въ телеологическій и обратно ничего нельзя возразить по существу, по необходимо сдѣлать нѣкоторыя необходимыя оговорки и ограниченія. Очевидно, что *Вундтъ* имѣетъ здѣсь въ виду лишь чисто логическую, формальную сторону вопроса, и оперируетъ съ абстрактнымъ процессомъ, какъ бы съ математической формулой: однако, было бы большимъ заблужденіемъ думать, что въ результатъ такого обращенія мы и въ *дѣйствительности* изъ причинной связи получимъ телеологическую, настоящую и полноцѣнную; мы получимъ, на самомъ дѣлѣ, только ея необходимое *условіе*, безъ котораго она не можетъ осуществиться, но, кромѣ того, мы должны привести и нѣчто новое, чего не было въ причинной связи. Мы уже говорили ранѣе, что причинная связь носить безразличный, индифферентный характеръ: кромѣ того, она совершенно не заключаетъ въ себѣ динамическаго элемента, устремленія; этотъ элементъ, въ то же время, совершенно необходимъ для телеологическаго процесса и представляетъ, можно прямо сказать, одинъ изъ характернѣйшихъ его признаковъ. Представленіе цѣли можетъ и отсутствовать въ телеологическомъ актѣ, но активнаго стремленія къ хотя бы и не сознанной цѣли исключить изъ него нельзя: когда цѣлесообразное возникаетъ случайно, мы не можемъ уже говорить о цѣлесообразномъ *актѣ*: тутъ имѣется налицо цѣлесообразное образованіе, но нѣтъ никакихъ внутреннихъ телеологическихъ основаній для его возникновенія; это—внѣшняя телеологія случайности, столь характерная для дарвинизма.

Причинная связь, какъ общее формальное требованіе на-

¹⁾ *Ibid.*, стр. 196.

²⁾ *Wundt, Logik.*, стр. 567.

шого разсудка, совершенно одинаково можетъ удовлетвориться указаніемъ того, или другого, или третьяго явленія въ качествѣ причины; ей нужно лишь, чтобы вообще было какое бы то ни было предшествующее явленіе, могущее быть названнымъ причиной изслѣдуемаго явленія. Тутъ совершенно не можетъ быть рѣчи о *направленіи* процесса; оно безразлично съ точки зрѣнія формальной причинности. Однако, оно совершенно не безразлично для процесса телеологическаго: въ немъ есть стремленіе въ нѣкоторомъ *опредѣленно* направленіи, и произвольная переменна послѣдняго влечетъ за собой, по большей части, нарушеніе цѣлесообразности самого акта. Правда, одна и та же цѣль можетъ достигаться различными путями, но наличность *направленія* въ общемъ смыслѣ здѣсь все же остается безспорной.

Изъ этого видно, что когда мы подвергаемъ регрессивному обращенію причинный процессъ, то происходитъ слѣдующее явленіе: *мы*, т.-е. нѣкіе сознательно дѣйствующіе индивидуумы, беремъ явленіе, служащее причиной въ каузальной связи, за *цѣль* (очевидно, въ формѣ представленія, придавая ей „eine ideelle Präexistenz“), а слѣдствіе употребляемъ въ качествѣ *средства*: въ результатъ мы и получаемъ, правда, телеологическій процессъ изъ обращеннаго причиннаго, но какимъ путемъ? — *вмѣшательствомъ сознательной воли* разумнаго индивидуума. Только воля, способная придать направленіе и движеніе причинной связи, можетъ обратитъ ее въ настоящую телеологическую; безъ участія *направляющей и регулирующей воли* эта знаменитая „обратимость“ останется абстрактной логической формулой, неприимчивой къ дѣйствительнымъ процессамъ; воля, олицетворяющая собой динамическій элементъ, характеризующій телеологическій актъ, совершенно чужда и не нужна причинному отношенію; тамъ все рѣшается въ предѣлахъ категорій разума, и ей тамъ нечего дѣлать; въ телеологической же связи мы не можемъ обойтись безъ нея, дающей направленіе и дѣлающей изъ причинной связи телеологическую. Но скажутъ: вѣдь и въ процессахъ неорганическихъ, чисто механическихъ, есть *направленіе*, совершенно опредѣленное? Однако, мы по этому признаку еще не считаемъ таковой механической процессъ за телеологическій? Совершенно вѣрно, но не нужно упускать изъ виду, что это „направленіе“ въ

механическихъ процессахъ опредѣлено совершенно необходимо разъ навсегда, можетъ быть точно формулировано, предсказано и осуществляется всегда одинаково, въ цѣли однихъ и тѣхъ же причинныхъ членовъ. Тутъ налицо имѣется какъ разъ та „необходимость“, о которой говоритъ *Вунотъ*, и которая не имѣетъ такой власти надъ явленіями органическаго міра, гдѣ *стремленіе* можетъ выразиться въ видѣ весьма различныхъ сочетаній: здѣсь возможенъ нѣкоторый *выборъ*, какъ результатъ *свободы*. Приведемъ такой примѣръ: допустимъ, что если мы нагрѣемъ нѣкоторый металлическій стержень на 1° , то получимъ приростъ его длины въ 1 мм; тутъ связь просто причинная, и легко тотчасъ же установить зависимость:

нагрѣваніе на 1° —производить—удлиненіе на 1 мм. Всякій разъ, какъ мы такой стержень будемъ нагрѣвать на 1° , мы *необходимо* будемъ получать удлиненіе на 1 мм. Эту причинную связь путемъ обращенія можно сдѣлать телеологической, и она приметъ такую форму: чтобы получить удлиненіе опредѣленнаго стержня на 1 мм., надо нагрѣть его на 1° . Слѣдствіе (удлиненіе) выступаетъ здѣсь въ качествѣ *цѣли*, а причина (нагрѣваніе)—въ качествѣ *средства*. Возьмемъ теперь образчикъ изъ другой области: допустимъ, что нѣкій экспериментаторъ установилъ, что повышение температуры на 10° при воспитаніи куколокъ даетъ болѣе интенсивную окраску извѣстныхъ частей крылышка опредѣленнаго вида бабочекъ: эта зависимость, несомнѣнно, причинная, но уже совсѣмъ иного характера, чѣмъ въ случаѣ удлиненія стержня отъ нагрѣванія; тутъ совершенно нѣтъ *необходимаго* слѣдованія: тотъ же самый видъ на то же самое повышение температуры на 10° можетъ реагировать и совершенно обратно—поблѣднѣніемъ окраски, или даже вовсе не реагировать; онъ можетъ дать или одну, или двѣ, или три, или даже смѣсь нѣсколькихъ аберрацій; все это неоспоримо подтверждено экспериментами. Поэтому, когда мы попробуемъ обратить эту связь въ телеологическую, и сказать, что для полученія болѣе интенсивной окраски крылышекъ опредѣленнаго вида бабочекъ нужно повысить температуру на 10° , то это будетъ лишь допустимымъ предположеніемъ, которое можетъ оправдаться, а можетъ и не оправдаться; это совершенно не то, что непоколебимая увѣренность въ слу-

чаѣ чисто механической связи. Въ случаѣ воздѣйствія, напр. повышенной температуры на организмъ мы должны, прежде всего, считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что это воздѣйствіе выражается въ формѣ раздраженія, которое можно уподобить искрѣ, взрывающей пороховою погребѣ: незначительное само по себѣ раздраженіе можетъ вызвать весьма большія послѣдствія. Но, что всего важнѣе, кромѣ количественнаго несоотвѣтствія между раздраженіемъ и реакціей, весьма часто наблюдается и *качественное* различіе: реакціи могутъ быть весьма *разнообразны* и одно и то же раздраженіе можетъ вызывать самыя различныя, даже *противоположныя* реакціи. Въ этомъ отношеніи очень поучительны явленія такъ наз. „*гетероморфоза*“ при регенераціи утраченныхъ частей организма: очень часто организмъ возмѣщаетъ потерю путемъ созданія новаго образованія, не похожаго на утраченное, напр.—регенерируетъ ходильную ножку вмѣсто клешни (у рака), и т. д. Не нужно упускать, конечно, изъ виду, что въ органическихъ явленіяхъ преобладаютъ болѣе сложныя взаимоотношенія, болѣе сложные и трудные для анализа виды механической связи, такъ что часто трудно установить причинную цѣль; но, помимо этого, самое важное заключается въ томъ, что въ тѣхъ органическихъ процессахъ, которые мы называемъ телеологическими, приходится въ механическую связь и нѣчто новое: то, что дѣлаетъ возможнымъ выборъ и устремленіе согласно ему, т.-е. нѣчто *похожее на психику*, что и создаетъ телеологическій актъ. Измѣненіе температуры не просто механически вызываетъ измѣненіе пигмента, какъ мы это уже указали ранѣе; оно производитъ извѣстное дѣйствіе на „ощущеніе состоянія“ субъекта, по терминологіи неоламаркистовъ; возникаетъ „потребность“ такъ или иначе измѣнить свое состояніе сообразно съ измѣнившимися условіями. При этомъ, чтобы рѣзче отѣнить наличность психического члена въ этой послѣдовательности, неоламаркисты подчеркиваютъ, что ощущеніе потребности не вызываетъ прямо средства къ своему удовлетворенію, а только *стремленіе* къ устраняющей потребности реакціи, которая и пользуется подходящими средствами ¹⁾.

¹⁾ *Wagner. Geschichte. стр. 271.*

Если мы будемъ, такимъ образомъ, считать возможнымъ въ дѣйствительности обращеніе *всякой* причинной зависимости въ телеологическую, то рискуемъ совершенно ступешовать эту основную разницу между ними. упустивъ психическій факторъ, имѣющійся налицо лишь въ телеологическихъ актахъ, и совершенно отсутствующій въ актахъ механическихъ. Такимъ образомъ. „обращеніе“ должно носить лишь отвлеченный, логически-формальный характеръ; телеологическая и механическая связи, обѣ равно являющіяся формами причинной связи, различаются участіемъ въ телеологической особаго жизненнаго фактора, который неоламаркисты называютъ психическимъ, обуславливающимъ нѣкоторую свободу этихъ актовъ; отсутствіе же этого фактора (если, конечно, онъ не вносится извнѣ въ видѣ челоуѣческаго интеллекта) и *необходимость* характеризуютъ связь механическую.

Итакъ, отсюда ясно, что телеологія противоположна не *причинности*, а *механичности*, и конфликтъ возможенъ только съ ней. И телеологическая, и механическая послѣдовательность равно причинны; но между собой онѣ не согласуются, потому что основаны на различныхъ принципахъ.

Чтобы рѣшить критически этотъ вопросъ, намъ необходимо обратиться къ *Канту* и его „Критикѣ способности сужденія“, на которую часто ссылаются неоламаркисты и съ которой не менѣе часто они полемизируютъ. Нужно предупредить, что позицію *Канта* въ вопросѣ о телеологіи многіе считаютъ не совсѣмъ ясной, и даже такіе кантіанцы, какъ *Кеннигъ*, затрудняются сказать точно, былъ ли онъ настоящимъ телеологомъ въ смыслѣ нашихъ неовиталистовъ, или же сторонникомъ механистической біологіи: это трудно рѣшить на основаніи „Критики способности сужденія“, которая изъ всѣхъ его главныхъ сочиненій представляетъ наибольшія затрудненія для пониманія и допускаетъ много толкованій. *Кеннигъ* даже думаетъ, что самъ *Кантъ* не достигъ полной ясности въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ ¹⁾. Противники же телеологій *Канта*, какъ напр. *Гартманнъ*, прямо утверждаютъ, что она представляетъ собой скопленіе острѣйшихъ противорѣчій, и т. д. ²⁾.

1) Prof. Edm. König. Kant und Naturwissenschaft. 1907. стр. 171.

2) Ed von Hartmann. System der Philosophie im Grundriss. Bd. II. Grundriss der Naturphilosophie. стр. 55.

Кантъ настаиваетъ на недостаточности механизма для объясненія органическихъ явленій: „Органическое существо не есть только машина, ибо оно имѣетъ не только *движущую* силу, но обладаетъ и *творческой* силой и притомъ такой, каковую она сообщаетъ матеріи, еще неувоенной ею (организуетъ ее),—слѣдовательно, распространяющейсѣ творческой силой, которую нельзя объяснить только черезъ движущую способность (механизмъ)“. „Органической продуктъ природы есть то, въ чемъ все цѣль и вмѣстѣ все средство. Ничего въ немъ не бываетъ даромъ, безцѣльно и ничего нельзя приписать слѣпому, физическому механизму“ ¹⁾. При научномъ изслѣдованіи необходимо, по мнѣнію *Канта*, откинуть *случайность и случайность* образованій: „все въ мірѣ для чего-нибудь хорошо, ничего въ немъ нѣтъ безцѣльнаго“ ²⁾. Это признаніе необходимости телеологической точки зрѣнія служитъ поводомъ для неоламаркистовъ утверждать, что *Кантъ* признавалъ, въ сущности, ихъ „принципъ сужденія“: „что цѣлесообразное можетъ происходить лишь благодаря намѣренно (*absichtlich*) дѣйствующей причинѣ, благодаря „принципу сужденія“,—для *Канта* составляло положеніе аподиктической достовѣрности. Онъ повторяетъ его въ безчисленныхъ примѣненіяхъ. Такъ же аподиктически достовѣрна была для него невозможность думать, будто цѣлесообразное могло возникнуть благодаря механической причинности, изъ слѣпо дѣйствующихъ силъ матеріи“ ³⁾. Это кантовская, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ламарковская аксіома телеологій. Кантовская аксіома основывается на непререкаемомъ заключеніи, что всякое искусственное сооруженіе, геометрическая фигура или машина можетъ получиться лишь какъ слѣдствіе мыслящей причины, а слѣдовательно, и подобные машины продукты природы, каковъ организмъ, должны имѣть „принципъ сужденія“ въ качествѣ причины.

Кантъ стремится далѣе выяснить характеръ примѣненія принципа цѣли къ явленіямъ природы, и приходитъ:

¹⁾ *Кантъ. Критика способности сужденія*. пер. Соколова, 1898 г. стр. 258, 261.

²⁾ *Ibid.*, стр. 261, 264.

³⁾ *A. Pauly. Das urteilende Prinzip und die mechanische Kausalität bei Kant und im Lamarckismus*. „Kosmos“. Stuttg., 1906 г. стр. 269.

къ выводу, что нѣтъ никакихъ основаній приписывать природѣ объективную цѣлесообразность; однако, введеніе телеологическихъ сужденій въ естествознаніе допустимо, „но только для того, чтобы по аналогіи съ причинностью по цѣлямъ подвести его подъ принципы наблюденія и изысканія. не имѣя притязанія объяснить его по этой причинности“¹⁾. Понятіе цѣли отнюдь не вводитъ въ науку какой-нибудь сверхъестественной причины, „не вводитъ *особой основы причинности*, а прибавляютъ только ради примѣненія разума другой родъ изслѣдованія, чѣмъ изслѣдованіе по механическимъ законамъ, дабы выполнить недостаточность послѣдняго даже для эмпирическаго изслѣдованія всѣхъ частныхъ законовъ природы“. Это „только видъ причинности природы по аналогіи съ нашею въ техническомъ примѣненіи разума“. Мы не можемъ рѣшить, достаточно ли однѣхъ силъ природы (механизма природы) для производства продуктовъ природы, или же здѣсь участвуетъ нѣкій архитектурическій разумъ; мы этого не можемъ рѣшить объективно, но „по отношенію къ нашей познавательной способности одинъ механизмъ природы не можетъ дать никакой основы для объясненія происхожденія органическихъ существъ“²⁾. „Если я говорю: возникновеніе извѣстныхъ вещей природы возможно только черезъ такую причину, которая опредѣляется къ дѣятельности по намѣреніямъ,—то это нѣчто совершенно другое, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда я говорю: *я, по своей разнымъ свойствамъ моей познавательной способности*, о возможности этихъ вещей и ихъ возникновеніи не могу судить иначе, если не мыслю себѣ для этого причины, которая дѣйствуетъ по намѣреніямъ, т. е. существа, которое продуктивно по аналогіи съ причинностью разсудка. Въ первомъ случаѣ я хочу рѣшить нѣчто относительно объекта и обязанъ доказать объективную реальность предполагаемаго понятія, во второмъ—разумъ опредѣляетъ примѣненіе моей познавательной способности соотвѣтственно своимъ особенностямъ и существеннымъ условіямъ какъ своего объема, такъ и своихъ границъ. Слѣдовательно, первый принципъ есть *объективное* основоположеніе для опредѣляющей, а второй—*субъ*

1) *Кантъ*, *ibid.*, 242 стр.

2) *Ibid.*, стр. 268—271.

ективное основоположеніе только для рефлектирующей способности сужденія,—значить, только максима ея, которую указываетъ ей разумъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что *Кантъ* центр тяжести вопроса о телеологіи переноситъ въ область субъективную, и въ этой же сферѣ рѣшаетъ и вопросъ о взаимоотношеніи телеологіи и причинности; онъ говоритъ, что понятіе о вещи, какъ цѣли природы въ себѣ, можетъ быть лишь *регулятивнымъ*, а не *конститутивнымъ*. (*Кантъ*, *ib.*, 259 стр.). Это нужно понимать такъ: можно утверждать, что *Кантъ* не причислялъ къ категоріямъ понятіе цѣли, и придавалъ ему существенно иное значеніе, нежели понятію субстанціи или причинности. Понятіе цѣли хотя и есть „*ein besonderer Begriff a priori*“, однако его происхожденіе коренится не въ чистомъ разумѣ, а въ рефлектирующей силѣ сужденія, т. е. оно составляетъ просто вспомогательное средство для установленія единства и связи въ собраніи того, что съ точки зрѣнія чистаго разума кажется случайнымъ. Понятія разума *априорны* и *конструктивны*, т. е. суть условія возможности опыта, понятія же силы сужденія хотя и *априорны*, однако лишь *регулятивны*, т. е. суть формы, которымъ дополнительно мы подчиняемъ объекты опыта, не будучи связаны понятіемъ самого объекта. Напр., законы субстанціи и причинности, которые разумъ предписываетъ природѣ *a priori*, имѣютъ формальный характеръ; они требуютъ, чтобы во всѣхъ явленіяхъ содержалось нѣчто неизмѣнное или чтобы каждое измѣненіе имѣло своей причиной другое явленіе, и при этомъ всѣ особенности, число и т. д.,—все, что находится въ природѣ субстанцій, а также содержаніе единичныхъ законовъ природы они оставляютъ неопредѣленными. Понятіе цѣли во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ не есть категорія, которая должна быть примѣняема къ всякому возможному предмету опыта,—это просто максима способности сужденія, при по-

¹⁾ *Кантъ*, *ib.*, стр. 289. *Опредѣляющая* способность сужденія только подводитъ объекты подъ данные законы или понятія, какъ принципы *рефлектирующая*—должна подводить подъ законъ, который еще не данъ; она должна сама создать *субъективный* принципъ, служащій для; цѣлесообразнаго примѣненія познавательной способности. *Кантъ*, *ibid.*, стр. 271.

моцди которой *мы ищемъ* единства среди случайностей, а никакъ не теоретическое сужденіе о самомъ объектѣ ¹⁾.

Принципъ цѣли, хотя и выводится изъ опыта, но онъ настолько всеобщъ и необходимъ, что долженъ имѣть въ основѣ какой-нибудь принципъ *a priori* (хотя бы и регулятивный), и хотя бы эти цѣли заключались только въ идеѣ того субъекта, который высказываетъ сужденіе (*Кантъ*, *ib.*, 261 стр.). Но нельзя пользоваться вещами, какъ цѣлями природы, въ качествѣ основы *объясненія ихъ существованія*; нельзя, напр., считать рѣки цѣлями природы лишь потому, что онѣ содѣйствуютъ общенію между народами внутри страны и т. д. (*Кантъ*, *ib.*, 264 стр.).

Спрашивается теперь, какое же мѣсто можетъ занимать механическое объясненіе явленій природы наряду съ такимъ широкимъ примѣненіемъ телеологическаго принципа? Кантъ полагаетъ, что мы должны „всѣ продукты и событія природы, даже самые цѣлесообразные, объяснять механически до тѣхъ поръ, пока только это въ нашей возможности, но, несмотря на эти механическія причины, эти продукты мы должны подчинять причинности по цѣлямъ“. „Разумно и даже похвально слѣдить за физическимъ механизмомъ въ интересахъ объясненія продуктовъ природы настолько далеко, насколько это возможно дѣлать съ вѣроятностью и, если прекращать этотъ опытъ, то не потому, что на этой дорогѣ невозможно встрѣтить цѣлесообразности природы *въ себѣ*, а потому, что это невозможно *для насъ*, какъ людей; для этого нужно нѣчто совершенно другое, а не наше чувственное созерцаніе, и нужно опредѣленное познаніе интеллигибельнаго субстрата природы, основаніе для котораго можно было бы указать даже изъ механизма явленій по частичнымъ законамъ; а все это совершенно превышаетъ нашу способность“ ²⁾.

Теперь возникаетъ для *Канта* самый важный вопросъ: даетъ ли намъ телеологическая точка зрѣнія право заключать о нѣкоторомъ разумномъ Первосуществовѣ, которое и опредѣляетъ эти цѣли природы? Основу цѣлесообразности, говоритъ *Кантъ*, нужно класть *вне природы*, въ высшемъ

¹⁾ *Köing*, *op. cit.*, стр. 172--3.

²⁾ *Кантъ*, *op. cit.*, стр. 312.

разсудкѣ, а отнюдь не искать ея въ матеріи, которую нельзя мыслить живою (понятіе живой матеріи заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, ибо безжизненность, *inertia*, есть существенное свойство ея; гилозоизмъ невозможенъ). „Но это только основа для рефлектирующей, а не для опредѣляющей способности сужденія—она безусловно не можетъ давать намъ права ни для какого объективнаго утвержденія“ (*Кантъ*, *ib.*, 284—5 стр.). „Объективно мы не можемъ доказать сужденія: есть разумное первосущество,— но можемъ доказать его только субъективно, для примѣненія нашей способности сужденія въ ея рефлексіи о цѣляхъ въ природѣ, которыхъ мы не можемъ мыслить ни по какому другому принципу, кромѣ принципа преднамѣренной причинности, высшей причины“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, *Кантъ* призналъ нѣкоторую неравноправность принциповъ причиннаго и телеологическаго въ объективной ихъ оцѣнкѣ. Кромѣ того, его требованіе понимать органическіе процессы насколько только возможно глубже—механически, создаетъ антиномію съ необходимостью примѣнять къ тѣмъ же органическимъ процессамъ телеологическую точку зрѣнія. *Тезисъ* гласитъ: „необходимо, чтобы о всякомъ произведеніи матеріальныхъ вещей и ихъ формъ возможно было судить только на основаніи механическихъ законовъ“. *Антитезисъ* утверждаетъ: „о нѣкоторыхъ продуктахъ матеріальной природы, т.-е. организмахъ, нельзя судить только на основаніи механическихъ законовъ: ихъ разсмотрѣніе требуетъ совершенно другого рода причинности, именно—закона конечныхъ причинъ“. Если мы эти противорѣчивыя положенія примемъ за физическіе объективные законы, то мы получимъ неразрѣшимое противорѣчіе: но антиномія разрѣшается легко въ томъ случаѣ, если мы признаемъ оба положенія лишь за *максимы способности сужденія*; при этомъ нужно допустить, что тезисъ относится къ опредѣляющей, а антитезисъ—къ рефлектирующей способности сужденія: тогда эта антиномія окажется призрачной и устраняется сама собой ²⁾.

Вопросъ объ отнесеніи принципа цѣли къ рефлектирующей способности сужденія вызвалъ много споровъ и недо-

¹⁾ Кантъ стл. 290.

²⁾ *Куно-Фишеръ*. Кантъ, полут. II, стр. 507—9.

разумѣній; напр., *Гартманнъ* стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что не только причинный, но и телеологическій способъ разсмотрѣнія имѣетъ *категориальный* характеръ, и *Кантъ* якобы лишь по тому предубѣжденію не включилъ принципъ цѣли въ таблицу категорій, что будто телеологическій актъ есть нѣчто подобное *сознательному*, произвольному волевому акту, т.-е. сложному психическому процессу, съ участіемъ представленія цѣли и т. д., чего нельзя переносить, по мнѣнію *Канта*, на отношенія внѣшняго міра. Въ дѣйствительности же, сознаніе въ телеологическомъ актѣ отнюдь не является необходимымъ условіемъ: оно вполне можетъ отсутствовать, не вызвавъ этимъ никакихъ измѣненій въ телеологическихъ отношеніяхъ.

Разсматриваемые гносеологически и причинность, и телеологическая связь не созданы изъ воспріятій, но суть *значенія* связи происходящаго, гипотезы, привносимыя разумомъ. чтобы ориентироваться въ своихъ воспріятіяхъ, говоритъ *Гартманнъ*. Естествознаніе боится въ лицѣ теологіи допустить въ природу произвольно свободный факторъ, который нарушалъ бы замкнутую ея причинность. Оно боится допустить вмѣстѣ съ телеологіей въ природу нѣчто не-естественное, сверх-природное, метафизическое, что, по ученію агностиковъ, непознаваемо. Эту *телеофобію* нужно разсматривать какъ дѣтскую болѣзнь молодой, преусцѣвующей науки. Финальность въ такой же степени закономѣрна, какъ и причинность, хотя ея законы нельзя выразить математически; о произвольной же свободѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Естествознаніе, не раздумывая, оперируетъ только съ причинностью, безъ которой оно ничего не могло бы подѣлать, и отбрасываетъ телеологію, не относящуюся непосредственно къ его „орудіямъ“; это еще терпимо въ физикѣ, но недопустимо въ біологіи ¹⁾. По мнѣнію *Гартманна*, въ мірѣ царитъ общій „Finalkausalität“ ²⁾: „Финальность и причинность въ царствѣ природы суть равноправныя и взаимно координированныя категоріи, которыя въ дѣйствительности всегда связаны между собой и могутъ

¹⁾ *Ed. von Hartmann. Grundriss der Naturphilosophie, стр. 53--55.*

²⁾ *E. von Hartmann. Ibid. стр. 65—67.*

быть, раздѣлены лишь абстрагирующей дѣятельностью сознательной мысли“¹⁾).

Не трудно замѣтить, что *Кантъ* и *Гартманнъ* стоятъ на различной почвѣ: *Кантъ* ставитъ вопросъ чисто гносеологически; его интересуетъ формальная, логическая сторона вопроса, и онъ оперируетъ съ абстрактными процессами, а не реальными, протекающими въ живой природѣ; даже больше, *Кёнигъ* убѣжденъ, что *Кантъ* и не рѣшалъ вопроса о томъ, какова реальная связь явленій природы—механическая или телеологическая, а лишь думалъ о томъ, какую изъ этихъ двухъ схемъ положить въ основу при разсмотрѣннн явленій въ качествѣ руководящей нити²⁾. *Гартманнъ* же стремится, наоборотъ, идти отъ природы, отъ опыта къ познающей способности человѣка, и изъ наличности телеологн въ природѣ оправдывать ея равноправіе съ причинностью въ глазахъ изслѣдующаго разума. Тутъ и возможно, намъ кажется, найти путь къ примиренію этихъ противорѣчащихъ взглядовъ въ томъ направленнн, что можно придать *двойное значеніе* принципу цѣли, сообразно двумъ сферамъ его примѣненія, или, вѣрнѣе, двумъ точкамъ зрѣнія на него: съ точки зрѣнія критики силы сужденія онъ, конечно, не болѣе, какъ субъективная максима рефлектирующей способности сужденія, но не фикція, а обладающая необходимостью въ примѣненнн къ разсмотрѣнню органическихъ явленій; эта категорія не обладаетъ такой же универсальностью, какъ категорія причинности, но все же покоится на апріорномъ, хотя и регулятивномъ принципѣ. Итакъ, не пускаясь въ запутанные вопросы о категоріальности принципа цѣли, мы поставимъ вопросъ болѣе подходящимъ для нашихъ задачъ образомъ: *дѣйствительно ли принципъ цѣли — только субъективный способъ разсмотрѣння явленій, и не имѣетъ объективнаго значенія?* Неоламаркисты и неовиталисты, вообще—всѣ современные телеологи-біологи усиленно настаиваютъ на объективномъ значеннн принципа цѣли. Напр., *Рейнке* говоритъ: „если бы было справедливо, что только человѣческій умъ толкуетъ природу въ смыслѣ ея цѣлесообразности, то

1) *E. von Hartmann*. Die Finalität in ihrem Verhältniss zur Causalität *Philosoph. Studien*, Bd. 18, 1903 г стр. 512.

2) *König*. Kant und Naturwissenschaft. стр. 174.

растения и животныя перестали бы быть цѣлесообразными, если бы вымерли всѣ люди“¹⁾. Вагнеръ полагаетъ, что Кантъ ошибочно считалъ телеологию лишь способомъ разсмотрѣнія, а не научнымъ принципомъ объясненія; но нужно имѣть въ виду, что Кантъ всегда имѣлъ передъ глазами лишь *трансцендентную* телеологию, для научнаго опроверженія которой, по мнѣнію Вагнера, намъ не нужно теперь никакого Канта²⁾. Дѣйствительно, сравнивъ современную авто-телеологию неоламаркистовъ съ типичной „альтруистической“ телеологіей Канта мы сразу увидимъ, что ихъ даже трудно сравнивать между собой; въ нихъ есть несоизмѣримый элементъ.

Для Канта вся телеологія сводилась къ обнаруживаемымъ цѣлямъ природы, которыя ставитъ высшій Разумъ, его телеологія носитъ рѣзко трансцендентальный характеръ, когда въ бездушную, мертвую матерію извнѣ вкладывается смыслъ и жизнь, стремленіе и развитіе; эволюціи, какъ ее теперь понимаютъ, Кантъ не зналъ. и въ мірѣ понятій и категорій чистаго разума, съ которыми онъ преимущественно оперировалъ, все было опредѣлено разъ навсегда, по неизмѣннымъ законамъ разума, какъ въ системѣ Спинозы; опытъ, реальная природа—все это казалось чѣмъ-то внѣшнимъ, не имѣющимъ самостоятельной цѣны: разумъ предписывалъ свои законы природѣ. Поэтому и вся телеологія Канта совершенно отвлеченнаго сорта; она даже не задается вопросомъ о реальной цѣлесообразности природы, а прямо считаетъ ее привносимой извнѣ; она изучаетъ не реальные процессы, которые мы называемъ телеологическими, а связь и происхожденіе понятій, ихъ логическія, формальныя отношенія. И въ этомъ смыслѣ понятіе цѣли, именно цѣли природы, назначенія отдѣльныхъ вещей, конечно, явно субъективнаго и эвристическаго характера и есть лишь максима рефлектирующей способности сужденія; именно о такихъ цѣляхъ все время и говоритъ Кантъ; *другихъ онъ не зналъ*.

Но со времени Канта многое измѣнилось въ этой области; появилось понятіе о *приспособленіи*, психическомъ факторѣ

¹⁾ König. Über Naturzwecke, стр. 433, примѣч. Reinke: Welt als That. 1899 г., стр. 255.

²⁾ Wagner. Geschichte... стр. 150.

органическихъ измѣненій, объ автономіи жизненныхъ процессовъ, о регуляціи и т. д., родилась современная теорія эволюціи со всѣми сопутствующими ей теоріями и построениями. вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣнилось и самое понятіе цѣли и употребленіе его: имъ уже не пользуются для обозначенія цѣлей природы; уже не ищутъ трансцендентнаго разума, ставящаго свои цѣли въ природѣ; даже больше, говорятъ о непреднамѣренныхъ цѣляхъ, бессознательныхъ цѣляхъ и т. под., т.-е. собственно говоря, не совсѣмъ точно пользуются понятіемъ цѣли: нужно бы сказать—цѣлестремительность, стремленіе, влеченіе—вотъ съ чѣмъ оперируетъ современная телеологія. Всѣ эти элементы совершенно чужды Канту; у него даже вообще нѣтъ телеологическаго акта; у него цѣлесообразность дана, но не возникаетъ и, тѣмъ болѣе, не развивается. Поэтому, напр., развитіе длинныхъ ногъ у прибрежныхъ птицъ въ результатъ упражненія—несомнѣнно, телеологическій процессъ,—для Канта осталось бы непонятнымъ: никто не рѣшился бы приписать птицамъ рассужденіе: „давайте, разовьемъ ноги, чтобы лучше ходить по дну водоемовъ“, и въ то же время современный естествоиспытатель не признаетъ удлиненіе ногъ осуществленіемъ цѣли, поставленной высшимъ Разумомъ; какова же можетъ быть въ этомъ процессѣ роль „эвристическаго принципа цѣли“? Онъ можетъ быть примѣненъ лишь къ конечному результату, въ формѣ нашего субъективнаго сужденія: „у прибрежныхъ голенастыхъ птицъ ноги длинны для того, чтобы имъ удобнѣе было ходить по дну водоемовъ, не намокая въ водѣ“. Это и есть примѣненіе эвристическаго принципа цѣли. Но въ самомъ телеологическомъ процессѣ онъ не игралъ, да и не могъ играть активной роли; тамъ дѣйствовало, очевидно, какой-то иной принципъ, имѣющій и объективное значеніе. Птица, стремясь какъ можно выше стоять на ногахъ въ водѣ, чтобы не намокнуть, не ставитъ себя сознательной цѣли — удлиненіемъ ногъ избавиться отъ этого неудобства, и никто иной такой цѣли птицѣ не ставилъ, а между тѣмъ, путемъ длительного упражненія и наследственной передачи удлиненіе ногъ было достигнуто, и обсуждая этотъ конечный результатъ, мы можемъ сказать, что удлиненіе ногъ—это *цѣль* всего процесса; но *какая цѣль*? Это просто наша *оцѣнка* акта. Однако такой цѣли никто те-

перь и не будетъ стремиться приписать объективное значеніе: никто не признаетъ за ней и способности быть побудительной причиной, стимуломъ телеологическаго акта; такой побудительной причиной можетъ быть только то, что не совсѣмъ точно называется *цѣлестремительностью*, понимаемой какъ стремленіе, въ данномъ случаѣ — избѣгать наморканія, но не въ видѣ преднамѣченной сознательно цѣли; это имманентная, имѣющая объективное значеніе движущая причина телеологическаго акта; очень часто ее называютъ *цѣлью*, стараясь втиснуть въ это достаточно опредѣленное понятіе и непреднамѣренность, и динамическій элементъ — стремленіе, но это просто лишь неудачная терминологія: нужно пользоваться въ такихъ случаяхъ беровской „Zielstrebigkeit“, переводимой по русски словомъ „цѣлестремительность“ за отсутствіемъ различныхъ терминовъ для „Ziel“ и „Zweck“.

Кромѣ того, мы можемъ указать и такіе факты, когда цѣль, существующая сначала въ видѣ сознательнаго представленія цѣли, достигаетъ своей объективациі во внѣ, является до нѣкоторой степени, причиной, производящей вполне объективныя явленія: именно, сюда подходитъ вся сознательная цѣлестремительность человѣка и высшихъ животныхъ. Всѣмъ извѣстно, что телеологическая связь явленій всего яснѣе замѣтна въ сферѣ психической жизни; но она не остается лишь въ границахъ психики, а вліяетъ (хотя бы черезъ посредство механическихъ связей) на явленія объективнаго міра. Этого нельзя отрицать по отношенію къ человѣку и трудно не допустить по отношенію къ высшимъ животнымъ. Неоламаркисты эту цѣлестремительность на высшихъ ступеняхъ сознанія и берутъ за исходный пунктъ своей телеологіи, считая, что она же проявляется и на низшихъ ступеняхъ развитія въ видѣ той *цѣлестремительности*, о которой мы говорили выше и которая обусловливаетъ появленіе приспособленій и многихъ морфологическихъ измѣненій. Это же разумѣетъ и *Гартманнъ*, говоря, что вполне законно разсматривать цѣлесообразную дѣятельность челоувѣческаго духа какъ лишь освѣщенную свѣтомъ сознанія саму по себѣ бессознательную цѣлесообразность природы. Прежде всего, говоритъ *Гартманнъ*, челоувѣкъ долженъ признать цѣлесообразность (Finalität) въ своихъ волевыхъ дѣй-

ствіяхъ; онъ имѣетъ въ сознаніи сперва мотивъ, затѣмъ цѣль, въ третьихъ—причинную связь между цѣлью и средствомъ, въ четвертыхъ—направленный на средство волевой актъ. Во многихъ случаяхъ оба средних члена (цѣль и причинная связь) остаются безсознательными, и сознаются лишь оба крайнихъ члена (мотивъ и волевое дѣйствіе). Только рефлектирующая цѣлесообразная дѣятельность вполнѣ сознательна, инстинктивная—полусознательна, рефлекторная—сознательна лишь на четверть ($\frac{1}{4}$), и въ органическихъ образованіяхъ вполнѣ *безсознательна*. Въ рефлекторныхъ дѣйствіяхъ есть лишь сознаніе мотива, или раздраженія. Цѣлесообразность въ мірѣ, начавшись съ безсознательной стадіи въ органическихъ образованіяхъ, постепенно все болѣе и болѣе приобщается къ сознанію, черезъ рефлекторную и инстинктивную ступень возвышаясь до сознательной, рефлектирующей. Спросимъ себя теперь: каковъ же характеръ понятія цѣли въ этихъ телеологическихъ актахъ? Можетъ ли онъ считаться лишь субъективной максимой способности сужденія? Очевидно, нѣтъ; понятіе цѣли можетъ имѣть и нѣкоторое объективное значеніе, которое проявляется въ телеологическихъ актахъ; отсюда ясно, что эта новѣйшая біологическая телеологія, къ которой въ значительной степени примыкаетъ и *Гартманнъ*, стоитъ совсѣмъ на иной почвѣ, нежели *Кантъ*, и располагаетъ совсѣмъ инымъ матеріаломъ; поэтому и самое содержаніе понятія цѣли у нихъ различно, различны и конечные выводы. Типично трансцендентную телеологію *Канта*, оперирующую съ формальными понятіями и оставляющую въ сторонѣ реальную природу, трудно даже сравнивать съ автотелеологіей неоламаркистовъ, утвержденной на новѣйшихъ экспериментахъ и неохотно пускающей въ критику происхожденія и связи отвлеченныхъ понятій. Они говорятъ на различныхъ языкахъ: *Кантъ* о трансцендентныхъ цѣляхъ природы, неоламаркисты—объ имманентной цѣлестремительности, отрицающей цѣли природы; *Кантъ*—о формальной телеологической связи понятій, неоламаркисты—о реальныхъ телеологическихъ *актахъ*, о которыхъ *Кантъ* и не упоминаетъ, и т. д. Точно также и вопросъ о пресловутой антиноміи между механическимъ и телеологи-

¹⁾ *Ed. von-Hartmann. Grundriss der Naturphilosophie. стр. 57.*

ческимъ методомъ объясненія органическихъ явленій рѣшается неоламаркистами совершенно въ иной плоскости и въ иномъ духѣ, нежели у *Канта*. *Паули* основательно полагаетъ, что разрушеніе этой антиноміи вовсе не входило въ намѣренія *Канта* при изслѣдованіи телеологической проблемы; ему нужно было перенести объясненіе объективной разумности цѣлесообразныхъ явленій природы въ критику *человѣческой способности познанія*, въ субъективную гносеологическую область. Неоламаркисты же стараются доказать прозрачность антиноміи не путемъ критики понятій и способности сужденія, а путемъ ея приложенія къ дѣйствительности, какъ и подобааетъ біологамъ. По ихъ мнѣнію, требованіе механической *закономѣрности* (а не механической *причинности*) отнюдь не ставитъ телеологическій принципъ ламаркизма ни въ какую антиномію съ механикой. „Принципъ сужденія“, при современномъ состояніи нашихъ знаній свойственный даже клѣткѣ, ничего не мѣняетъ въ извѣстной механической *закономѣрности* строенія или функціи органа. Динамическіе и статистическіе законы механики безъ всякаго противорѣчія совмѣстимы съ „принципомъ сужденія“. Первые онъ обращаетъ, благодаря соединенному съ нимъ понятію физической энергіи, въ причину механическихъ дѣйствій, а благодаря своему психическому предикату, оказывается психофизической причиной, притомъ эмпирическаго, а не метафизическаго характера. Органическая причина дѣйствуетъ по механическимъ законамъ, на основанія которыхъ долженъ быть построенъ инструментъ, аппаратъ, если имъ хотять достигъ дѣйствій, къ которымъ онъ предназначенъ; т.-е. *механизмъ* органическихъ явленій основанъ на чисто механическихъ принципахъ, и его слѣдуетъ изучать съ точки зрѣнія механизма. Одно изъ большихъ препятствій для *Канта* для признанія органической телеологіи заключалось въ необходимости допустить возникновеніе жизни изъ неорганическаго, что *Паули* устраняетъ признаніемъ нѣкоторой *оживленности матеріи*, т.-е. нѣкотораго естественно-научнаго, не метафизическаго *гилозоизма*, основывающагося на фактическихъ реакціяхъ неорганическихъ тѣлъ, уже экспериментально доказанных¹⁾.

¹⁾ *A. Pauly. Das urteilende Prinzip und die mechanische Kausalität.* стр. 271—2.

Этимъ признаніемъ гилозоизма неоламаркисты въ корнѣ противорѣчатъ аристотелико—картезіанскому воззрѣнію на матерію, какъ на нѣчто совершенно безжизненное и бездушное, какового воззрѣнія держался и *Кантъ*, считая, что безжизненность и инерція—основныя свойства матеріи, вытекающія изъ самого ея понятія, которому противорѣчить, по этому, понятіе живой матеріи, такъ что гилозоизмъ, по его мнѣнію, это „смерть натурфилософіи“.

Не входя въ разрѣшеніе этого противорѣчія, мы укажемъ лишь, что у весьма многихъ современныхъ философовъ и естествоиспытателей имѣется несомнѣнный наклонъ къ гилозоизму, въ особенности въ связи съ обще-энергетическимъ характеромъ міровоззрѣнія, и этотъ наклонъ имѣетъ за себя нѣкоторые серьезные доводы. Точно такъ же сторонники психо-физическаго параллелизма въ большинствѣ случаевъ допускаютъ наличность элементарныхъ проявленій чего-то родственнаго психическому элементу даже въ неорганической области, такъ что позиція неоламаркистовъ, при современномъ положеніи дѣлъ, совершенно не ведетъ къ „смерти натурфилософіи“, а скорѣе—къ ея возрожденію.

Если мы подведемъ итоги всему вышесказанному, то убѣдимся, что все же телеологіи *Канта* и неоламаркистовъ не такъ противорѣчивы и несомвѣстимы, какъ это кажется сначала; сами неоламаркисты признаютъ изъ „Критики способности сужденія“ лишь одно важное для себя утвержденіе—о недостаточности одного механическаго объясненія природы и необходимости примѣненія телеологической точки зрѣнія при извѣстныхъ условіяхъ; но и основное положеніе *Канта*, что понятіе цѣли есть максима рефлектирующей способности сужденія, намъ кажется возможнымъ совмѣстить съ телеологіей неоламаркистовъ, настаивающей на объективномъ значеніи принципа цѣли.

Если мы беремъ схематизированный міръ *Канта*, состоящій изъ цѣпей и сочетаній абстрактныхъ понятій, гдѣ нѣтъ развитія и движенія, гдѣ все оцѣнивается лишь съ формальной, гносеологической точки зрѣнія, то мы можемъ признать, что тамъ принципъ цѣли, дѣйствительно, играетъ приписываемую ему *Кантомъ* роль; если же мы обратимся къ даннымъ опыта, къ конкретнымъ связямъ и процессамъ, наблюдаемымъ въ эмпирическомъ мірѣ, то тамъ мы прину-

ждемы будемъ признать и болѣе широкое значеніе за принципомъ цѣли,—т.-е. не только субъективное, но и объективное.

Формально эвристическое понятіе цѣли приложимо при разсмотрѣніи не только органическихъ, но и неорганическихъ процессовъ, если рядъ причинъ и слѣдствій мы будемъ разсматривать по отношенію къ нѣкоторому конечному результату, т.-е. по принципу обратимости причинной связи въ телеологическую по *Вундту* и др. Понятіе же цѣлестремительности, характеризующее телеологическій актъ, не можетъ быть примѣнено къ неорганическимъ процессамъ, такъ какъ въ него мы вкладываемъ нѣкоторое имманентное стремленіе, *избирающее* путь для осуществленія телеологическаго акта, а также вкладываемъ и указаніе на цѣль, хотя бы не сознаваемую и не пред-намѣчаемую; все это мы констатируемъ только въ сферѣ органическихъ и психическихъ явленій. *Задача психобиологii* неоламаркистовъ и состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что сущность органическихъ и психическихъ явленій тождественна, что нѣтъ спеціальной „жизненной силы“, а есть лишь универсальное начало *психическаго* характера: „принципъ сужденія“ на визшихъ стадіяхъ развитія, постепенно развивающійся, дифференцирующійся и достигающій превращенія въ сознательную психику высшихъ животныхъ и человѣка. При критическомъ разсмотрѣніи „психобиологii“ неоламаркистовъ, въ связи съ анализомъ волевой дѣятельности, мы вернемся опять и къ вопросу о взаимоотношеніи телеологii и механизма, къ рѣшенію этой кантовской антиномii.

П. Н. Каптеревъ.
